

Т. И. АЛЕКСИНСКАЯ

Убийство царской семьи *

Публикуемый ниже документ представляет собою текст брошюры, изданной в 1922 году редакцией «Коммунистического труда», официального органа Московского Комитета Компартии и Московского Совета.

Брошюра эта была изъята из обращения, сейчас же по выходе ее, советскими властями, которые, по-видимому, признали, что ее распространение для них невыгодно.

Этот текст — сжатое изложение «официального отчета» об убийстве царской семьи. Редчайший экземпляр этого документа был доставлен за границу человеком, приехавшим в Европу «по торговым делам» и впоследствии погибшим во время одной из сталинских чисток. Насколько мне известно, за границей имеются только два экземпляра публикуемого ниже исторического документа.

Опубликовывая этот документ, без изменений и комментариев, я считаю необходимым сказать, что для меня, как и для очень

* Впервые: *Алексинская Т.* Убийство царской семьи // Возрождение. 1963. № 139. С. 34–41. (Автор напечатала, снабдив краткими комментариями и замечаниями, документ об убийстве царской семьи, впервые опубликованный в Советской России в 1922 г.) Печатается по этому изданию.

Алексинская Татьяна Ивановна (урожденная Евтихиева; 1886–1968) — русский общественный деятель, историк, публицист, мемуаристка. Супруга руководителя социал-демократической фракции II Государственной думы Г. Д. Алексинского; возглавляла секретариат фракции. С 1908 г. вместе с мужем проживала в Женеве, с 1914 г. — на ультрапатриотических, «оборонческих» позициях. В 1918 г. окончательно эмигрировала. В 1931 г. основала в Париже Союз русских сестер милосердия участниц Великой войны 1914–1918 гг. имени баронессы Вревской. Умерла в эмиграции. — *Примеч. сост.*

многих людей, ненастроенных монархически, а скорее республиканских воззрений, но которые являются противниками смертной казни, — вопрос об убийстве царской семьи, не является даже политическим вопросом, ибо, на мой взгляд, это убийство было в сущности не политическим актом, а уголовным преступлением, как и многое другое в деятельности советских «возждей», начиная с октябрьского переворота и кончая венгерскими событиями.

Когда Хрущева, после его знаменитого доклада на 20-м Съезде партии, где он рассказывал о «злодеяниях» Сталина, спросили, почему он не протестовал, — «Я боялся»! — таков был ответ.

Трусость руководителей режима сказалась и в ночном убийстве царской семьи.

Центральный Исполком, который в 1918 году был правительством СССР, побоялся взять на себя официальную ответственность за убийство царской семьи и предпочел свалить ее на каких-то никому неизвестных темных людей из Уральского Областного Совета, которые, конечно, действовали по приказу ЦИК-а, трусливо ограничившегося лицемерным «утверждением постановления» этого Совета уже после убийства...

Когда английские и французские революционеры казнили своих королей, они имели, по крайней мере, какое-то мужество делать это открыто и всенародно, беря на себя полную ответственность за содеянное ими. Император Николай II, императрица, их дочери и малолетний сын были убиты трусливо и подло, втихомолку, темной ночью, как были убиты и другие бесчисленные жертвы красного террора.

Вот содержание этого документа — свидетельство большевистской морали и человеческой подлости...

А. Т.

**Памятник человеческой подлости
Официальный советский документ***

I

Арестованные Временным правительством, Николай Романов и его семья, содержались сперва под домашним арестом в одном из царскосельских дворцов. Под влиянием рабочих, солдат

* Из архива Алексинских.

и матросов, негодование которых по отношению к семье Романовых как воплощению старого самодержавного режима все возрасало, Временное правительство решило отправить «царственного узника» в Тобольск.

4 августа 1917 году специальный поезд, в сопровождении двух членов Временного правительства и отряда охраны, привез царскую семью и всю челядь в Тюмень, откуда они были доставлены пароходом в Тобольск.

II

Вскоре после октябрьской революции в буржуазной прессе столицы начали появляться сообщения о жизни Романовых в Тобольске, о сосредоточении около них контрреволюционных элементов и целый ряд провокационных известий о побеге и увозе бывшего царя.

Тобольский совет состоял из меньшевиков и эсеров. Никакой организации коммунистической партии там не было.

Семья Романовых, обитавшая в бывшем губернаторском доме, пользовалась довольно большой свободой: она имела возможность беспрепятственно посылать и получать письма, принимать посетителей и т. д. Бывший гвардейский офицер, князь Долгоруков, живший в Тобольске, имел свободный доступ к Романовым. Другие лица тоже могли относительно легко приходить к ним.

Более обстоятельная анкета подтвердила уже имевшиеся в распоряжении Уральского Областного Совета сведения о присутствии в Тобольске значительного количества контрреволюционных элементов и о деятельности епископа Гермогена. Кроме того, немного спустя в Тюмени был арестован бывший глава Временного правительства князь Львов, приехавший туда «по делам торговли лесом».

III

В феврале 1918 года на заседании Уральского Совета был поднят вопрос о перевозке Романовых из Тобольска в более надежное место и о немедленном принятии мер для предотвращения возможности побега Николая Романова. Так как Тобольск находился в области, подлежащей административно Совету Западной Сибири, то были начаты с ним переговоры об эвакуации Рома-

новых из Тобольска. ЗАПСИБ совдеп принял во внимание, что пребывание Романовых в Тобольске было ненадежно, склонился к их перевозу в Омск.

Одновременно велись переговоры со ЦИКОМ. Уральский Областной Совет указывал на необходимость перевозки Романовых в Екатеринбург.

В ответ на неоднократные предложения Уральского Совета относительно эвакуации Романовых из Тобольска, предложение, поддерживавшееся также и ЗАПСИБ советом, ВЦИК сообщил, что царь и его семья будут перевезены на Урал.

IV

Наступала весна и распутица, и надо было спешить с эвакуацией семьи Романовых. Было решено перевезти немедленно Николая Романова, его жену Александру, их дочь Марию и доктора Боткина. Бывший князь Долгоруков был эвакуирован из Тобольска одновременно с ними. Остальные члены семьи и персонал, состоящий из придворных дам и слуг, остались в Тобольске до начала навигации.

В Тюмени Романовы были посажены в особый поезд, который привез их в Екатеринбург.

V

Было решено арестовать и заключить в тюрьму князя Долгорукова, приехавшего в Тобольск с Романовыми, мера эта была принята ввиду его подозрительного поведения. Во время обыска, произведенного у него, была найдена крупная сумма денег, преимущественно в мелкой монете, две карты Сибири с пометками, касающимися водных путей, и разные специальные записи. Запутанные объяснения Долгорукова не оставляли сомнения, что у него имелась определенная цель организации побега Романовых из Тобольска.

VI

Местом заключения Романовых Екатеринбургский Совет выбрал дом Ипатьева. Владелец дома был выселен, и вокруг дома был построен деревянный забор, закрывавший дом от любопытных

глаз. По прибытию в «дом особого назначения» — так назывался дом Ипатьева в советских кругах — семья Романовых была принята комендантом дома.

Было установлено, что багаж Романовых не подвергался осмотру ни во время ареста в Царском Селе, ни в Тобольске. Их пригласили немедленно открыть ручные саквояжи, которые они привезли с собой.

Николай сделал это беспрекословно. Александра заявила, что она не позволит осматривать ее вещей. Возник спор между ней и комендантом.

Романовым заявили, что они должны помнить, что они не в Царском Селе, а в Екатеринбурге, что если они будут вести себя провокационно, то их отведут от их детей, а в случае повторения заставят выполнять принудительные работы.

Александра и Николай, поняв, что с ними не шутят, подчинились требованиям коменданта дома.

Дом Ипатьева (в два этажа, из коих нижний наполовину подвальный, вследствие сильного наклона почвы) был занят в значительной своей части помещениями, приспособленными для канцелярии, кухни и погребом. В верхнем этаже было предоставлено в распоряжение Романовых пять комнат, где они и находились на положении полузаклученных.

Сын и другие дочери Романовых, перевезенные из Тобольска в мае, были также заключены в доме Ипатьева.

VII

Не применяя к заключенным особо репрессивных мер, ни строгого тюремного режима, Уральский Совет установил в то же время суровое наблюдение за домом. Заключенные находились постоянно под бдительным присмотром красной гвардии, отряд которой был помещен в одном из зданий напротив «дома особого назначения».

Николай Романов, который вообще присутствовал при событиях, происходивших вокруг него, с идиотским равнодушием*, принял режим дома довольно спокойно. Сперва он пытался

* Мы не выпускаем из текста этой грубости, ибо она показывает, насколько низменна душа авторов этого советского документа, оскорбляющих жертву их преступления. — *Ред.*

вступать в разговоры с часовыми, но когда ему это было запрещено, не стал настаивать.

Поведение Александры было совсем иное. По всякому поводу она пыталась протестовать против условий установленного режима и оскорбляла стражу и представителей Областного Совета, находившихся в доме.

VIII

Семья Романовых получала пищу из советской столовой, лучшей в городе; каждому из заключенных ежедневно доставлялось два обеда. Ежедневно заключенных выводили на прогулку в садик при доме, где они имели в своем распоряжении принадлежности и инструменты для физического труда. Они сами назначали час для прогулки.

Во внутреннюю жизнь заключенных комендант дома не вмешивался, предоставляя семье возможность распределять свой день как угодно.

IX

В первые же дни перевозки Николая в Екатеринбург туда начали стекаться всевозможные монархисты, начиная полоумными дамами, графинями и баронессами, монахинями и духовными особами и кончая представителями иностранных держав. Доступ к Николаю был ограничен чрезвычайно узким кругом частных лиц и членов Уральского Областного Совета. Чтобы видеться с Николаем надо было вообще иметь специальное разрешение ВЦИК-а.

Благодаря этому бесконечные попытки, делавшиеся разными лицами, чтобы увидеть Николая, кончались всегда неудачей. Но монархическая сволочь продолжала наполнять комнаты гостиниц и усердно писала бывшему царю бесчисленные письма в дни семейных праздников императорской фамилии.

Просьбы о свидании с Николаем, а также с другими представителями дома Романовых получались довольно часто. Мотивы их были весьма разнообразны: «Я хотел бы видеть их, потому что состою в родстве с ними», «я хотел бы служить им, если они в этом нуждаются» и т. д. Являлись представители Красного Креста и различных дипломатических миссий. Однажды явился

член штаба сербских войск Мигич, чтобы получить от Николая личные сведения о мировой войне.

Вся эта сволочь получала от Областного Совета заслуженную отповедь и с ненавистью смотрела на бдительную охрану и на красноармейцев, набранных среди советских рабочих и расставленных вокруг дома.

X

Становилось совершенно очевидно, даже для самых широких кругов населения, что монархисты создавали в Екатеринбурге организацию для освобождения Николая. Однажды Областной Совет был поставлен перед возможностью неорганизованного и стихийного выступления со стороны рабочих для расправы с царем и с кликой, собиравшейся около него. Негодование рабочих масс против очевидной организации контрреволюции было настолько велико, что среди рабочих Верхне-Исетского завода назначался даже день расправы с царем на первое мая. Не желая допустить такого неорганизованного выступления, Областной Совет был даже вынужден установить особое дежурство членов Совета.

XI

Нарастание контрреволюционного движения среди оренбургских казаков и бунт чехословацких эшелонов, которые были использованы в целях контрреволюции, создали опасность занятия Екатеринбурга, в особенности если принять во внимание, что полоса военных действий все более приближалась и что работа местных сил контрреволюции становилась активной.

XII

К этому времени семья Романовых в Екатеринбурге становится более многочисленной. Из Вятки, по распоряжению местного Съезда Советов, были эвакуированы бывшие великие князья Сергей Михайлович, Игорь и Иван Константинович и князь Палей. Согласно инструкции Центральной ЧЕКА была туда переведена из Москвы жена великого князя Сергея Александровича Елизавета Федоровна.

Опасность, которая представляла подобное скопление столь «знатных» гостей в Екатеринбург, в дни острой борьбы с контрреволюцией была очевидна, и Областной Совет перевел выше-названных лиц в Алапаевск. В Екатеринбург, а перед этим в Тобольск, продолжали стекаться видные представители контрреволюции и темные личности, которые имели всегда своей задачей организацию заговоров и освобождение Романовых и всех их родственников.

XIII

В числе лиц, имевших связи с семьей Романовых, был арестован выше-названный майор сербской армии Мигич и вместе с ним его адъютант Воевич и некий Смирнов, управляющий имениями сербской княгини Елены Петровны, жены бывшего великого князя Ивана Константиновича, сосланного в Алапаев.

Эти господа явились в Областной Совет в качестве уполномоченных сербского посла Спалайковича сначала для беседы с Николаем Романовым о военных вопросах, а затем под предлогом отправки Елены Петровны обратно в Петроград. Они заявили, что эта отправка была разрешена центральной советской властью.

Но когда Областной Совет навел справки в Москве и Петрограде, было установлено, что просьба Спалайковича относительно желания Елены Петровны вернуться в Петроград была отклонена ЦИК-ом.

XIV

По мере приближения театра военных действий к Екатеринбургу местные контрреволюционные офицеры, «верные престолу», пытаются войти в связь с семьей царя и посылают все более и более многочисленные письма Николаю Романову и особенно его жене, которая обнаружила более сильную активность и непримиримость.

Вот одно из писем, которыми заключенные обменивались с заговорщиками, пытавшимися еще в июне поднять восстание в Екатеринбурге с целью освобождения Романовых:

«Час освобождения приближается. Славянские войска подходят все ближе и ближе к Екатеринбургу. Они уже в нескольких

верстах от города. Наступает критический момент и надо опасаться кровопролития. Этот момент настал. Надо действовать».

«Друзья, — читаем мы в другом письме, — не дремлют и надеются, что столь долгожданный час пришел».

XV

Один месяц промедления мог иметь последствием бегство Николая за границу, где он мог бы сыграть большую роль в рядах контрреволюционеров.

Мировая буржуазия использовала бы Николая для того, чтобы подавить развитие коммунистического движения во всех странах. Эти коварные планы были разрушены.

XVI

Но кто же были те, кто пытались вырвать из рук народа преступников, лишенных короны, и были столь усердно заинтересованы судьбою царской семьи?

Письма, приходившие «извне» от лиц, сочувствовавших Романовым, перехваченные Советом, были по большей части подписаны: «офицер» или, например, «один из тех, кто готов умереть за вас» — офицер русской армии.

Многие другие сведения, полученные Областным Советом, разоблачали существование организации, поставившей себе целью освободить Романовых и готовившейся осуществить эту цель ввиду приближения фронта.

XVII

На заседаниях Областного Совета вопрос о казни Романовых ставился уже в конце июня, но принципиально разрешен был в первых числах июля.

Президиуму Совета было поручено организовать казнь и назначить день ее. Когда президиум Совета подписал смертный приговор Николаю Романову и его семье, чехословацкий фронт был уже близок и контрреволюционные банды наступали на Екатеринбург с двух сторон, со стороны Челябинска и по Западно-Уральской железной дороге.

Приходилось спешить с казнью Романовых.

Организация казни была поручена надежному революционеру, который уже участвовал в боях против атамана Дутова: рабочему Верхне-Исетского завода Петру Захаровичу Ермакову.

Необходимо было создать такие условия казни Романовых, которые бы сделали невозможной всякую практическую деятельность сторонников царского режима.

Поэтому был избран следующий способ.

XVIII

В ночь с 16 на 17 июля семье Романовых объявили, что они должны спуститься с верхнего этажа — где находились их комнаты — и перейти в нижний. Вся семья Романовых, домашний врач Боткин, «дядька» царевича, фрейлина, бывшая княгиня, оставшиеся при семье слуги спустились вниз около десяти часов вечера.

В одной из комнат полуподвального этажа комендант дома, который был в то время делегатом Уральского Совета, прочитал им смертный приговор и добавил, что надежды Романовых на освобождение тщетны.

Неожиданное известие ошеломило осужденных, и только один бывший царь сказал: «Значит, нас никуда не перевезут?»

Революционный приговор был приведен в исполнение...

Осужденные были расстреляны.

Около часу ночи трупы казненных были перевезены в окрестности города, в лес, около Верхне-Исетского завода и деревни Палкино, где они и были сожжены.

К этому напечатанному большевиками тексту, приведенному мною без изменений, прибавлять нечего, как не надо и его комментировать. Он говорит сам за себя...

А приговор вынесет история.

